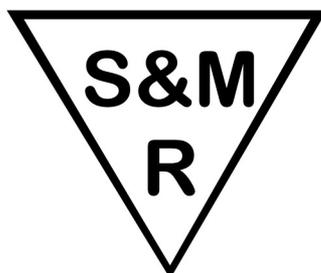

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
 ЦЕНТР НЕЗАВИСИМЫХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
 КАФЕДРА ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ
 САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ГРАЖДАНСКОЙ АВИАЦИИ

ТЕЛЕСКОП

Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований

Информационный партнер Санкт-Петербургской ассоциации социологов

основан в 1997 году

2012 — 02(92)

E-mail: red_tel@mail.ru

<http://www.teleskop-journal.spb.ru>

Содержание

Давыдов А.А.: «Мои занятия «золотым сечением» воспринимали как чудачество научного маргинала	
Интервью Бориса Доктора с Андреем Давыдовым.....	2
Неодинокое одиночество	
Валерий Лейбин, Московский институт психоанализа.....	8
Как создавался портрет И. С. Кона	
Наталья Лейбина, художник.....	13
Дискуссия через океан	
Дмитрий Шалин, Университет Невады, Андрей Алексеев, независимый исследователь.....	14
Об изучении возрастной когорты российских ровесников Великой Отечественной войны	
Чеслав Сымонович, независимый исследователь.....	18
Здоровье населения России: динамика в социальных срезях, 1994-2009 гг.	
Нина Русинова, Вячеслав Сафронов, Социологический институт РАН.....	28
Петербургская аудитория концертов музыки академических жанров	
Михаил Илле, СНИЦ.....	41
Итоги медиа года в Санкт-Петербурге: 2011 г. (обзор составлен на основе данных TNS Россия)	
Екатерина Кузнецова, TNS.....	49

Редакционный совет:

Виктор Воронков

Центр независимых социологических исследований

Борис Докторов

независимый исследователь

Ирина Елисеева

Социологический институт РАН

Николай Скворцов

факультет социологии СПбГУ

Учредитель и редактор — Михаил Илле

Михаил Майор

Университет гражданской авиации

Роман Могилевский

Агентство Социальной Информации

Татьяна Протасенко

Социологический центр «Мегаполис»

Владимир Сергеев

исследовательская фирма «СНИЦ»

Николай Ядов

компания «Той-Опинион»

Издание выходит 1 раз в два месяца
 © «Телескоп»: журнал социологических и маркетинговых исследований
 © Авторы публикаций
 Статьи публикуются в редакции авторов
 При использовании материалов обязательна ссылка на журнал и источник информации

Свободная цена
 Издатель - Михаил Илле
 Дизайн обложки : Владимир Сергеев
 Поддержка сайта: Константин Дивисенко
 Верстка: Алексей Илле
 Адрес редакции: Измайловский пр., 14, 508,
 тел. 316-21-62

Журнал зарегистрирован
 С-3 Региональным Управлением Комитета РФ по печати
 15 декабря 1996г. № П 2235, перерегистрирован 12.01.07
 свид. о рег. СМИ ПИ №ФС2-8436

Подписано в печать 26.03.2012. Формат А3 1/2,
 Усл. Печ. листов 6,5. Тираж 150 экз.
 Отпечатано в типографии ООО «КСИ»,
 СПб, пр. Обуховской Обороны, 11, оф. 12, тел. (812) 716-78-36

Неодинокое одиночество

В контексте личных воспоминаний об Игоре Коне показывается, что он не был отрешенным от людей и замкнувшимся в своем внутреннем мире человеком. Ему было свойственно то особое одиночество, которое позволило стать неординарной личностью и остаться самим собой, несмотря на все перипетии его научной деятельности и жизни в России.

Ключевые слова: отчуждение, способность к одиночеству, интеллектуальное развитие, индивидуальность, продуктивное творчество, отношение к смерти.

Валерий Лейбин

зав. кафедрой метапсихологии, теории и истории психоанализа Московского института психоанализа, доктор философских наук, главный научный сотрудник Института системного анализа РАН

За три года до своей кончины (в конце апреля 2011 года) Игорь Семенович Кон опубликовал, по сути дела, автобиографическую книгу "80 лет одиночества". В ней он не только подвел итоги своей жизни и научной деятельности, но и воспроизвел историю развития отечественной философии, социологии, педагогики и сексологии через призму личного восприятия событийности происходящего.

Было ли название этой книги навеяно ассоциациями, связанными с романом колумбийского писателя Габриэля Гарсиа Маркеса "Сто лет одиночества" (1967), в котором все герои испытывают отрешенность от жизни и страдают от одиночества?

Или название книги Игоря Кона было обусловлено его собственным ощущением "выпадения" из советской действительности, в рамках которой он родился, получил высшее образование и стал ученым, а также "невписываемости" в постсоветское пространство, пронизанное духом меркантильности?

К сожалению, после выхода в свет книги "80 лет одиночества" я как-то не решился спросить Игоря Кона, почему он предпочел именно такое, странное на первый взгляд, название. И хотя мы были с ним давно знакомы и в силу близости проживания в последние 25 лет (в одном доме и в одном подъезде) имели возможность обмениваться своими мыслями не только по профессиональным, но и по житейским вопросам, тем не менее, я так и не успел спросить его, как он относился к тому состоянию, которое назвал одиночеством, как оценивал его и насколько оно мешало или, напротив, способствовало жизнедеятельности вообще и интеллектуальному развитию в частности.

Полагаю, что название книги, включающее в себя термин "одиночество", может вызвать у многих людей представление, в соответствии с которыми ее автор был несчастным, отрешенным от жизни, замкнутым человеком.

И в этом нет ничего удивительного, поскольку в обыденном сознании одиночество ассоциируется, как правило, с чем-то негативным, социально неприемлемым, мучительно переживаемым, подрывающим основы жизнедеятельности. Да и название некоторых разделов книги Игоря Кона, типа "Чужой среди своих", способствует представлению об ее авторе, как человеке, испытывавшем дискомфорт даже среди тех людей, с которыми ему приходилось общаться в силу своих профессиональных интересов.

Если учесть, что Игорь Кон никогда не был женат, не имел детей и опыта семейной жизни или, как он сам констатировал в своей книге, ему не было дано построить дом, посадить дерево и воспитать сына, то нет ничего удивительного в том, что он может выглядеть в глазах читателей типичным представителем человека, страдающего от одиночества.

В то же время подобное представление об Игоре Коне может казаться парадоксальным на фоне общественного признания его академической и популяризаторской деятельности.

Публикация многочисленных книг и статей в самых различных издательствах не только в России, но и во многих странах мира, длительные командировки в Германию, Францию и США, где он проходил стажировки и получал гранты на осуществление научных исследований, выступления на радио и по телевидению, переписка со многими отечественными и зарубежными учеными, участие в международных и российских конгрессах, симпозиумах и конференциях, чтение лекций в различных вузах, в которых многие студенты с восхищением воспринимали Игоря Кона как блестящего лектора и высоко эрудированного человека, - все это как-то не укладывается в представление о нем, как одиноком, отрешенном от людей и замкнувшимся в своем внутреннем мире человеке.

Судя по всему, автор книги "80 лет одиночества" осознавал парадоксальность подобного положения. Не случайно в марте 2008 года в частной переписке с ныне проживающим и работающим в США профессором Борисом Докторовым, который любезно предоставил мне подготовленный совместно с Леонидом Столовичем к печати материал, Игорь Кон охарактеризовал противоречие саморефлексии следующим образом: "Человек говорит об одиночестве и невостребованности, а сам все время находится в центре общественного внимания и не тако-го уж враждебного; что это - эгоцентризм, завышенный уровень притязаний или что-то более сложное?"

Разумеется, можно быть одиноким даже в толпе поклонников и не страдать от одиночества, находясь наедине с самим собой. Можно чувствовать себя одиноким, будучи не стесненным ни территориальными границами, ни временными рамками, и не испытывать одиночества в замкнутом пространстве, в одиночной камере тюрьмы.

Так о каком же одиночестве могла идти речь в автобиографической книге Игоря Кона "80 лет одиночества"?

Сам он называл свое одиночество интеллектуальным. Суть этого интеллектуального одиночества состояла, по его собственным словам, в следующем: "Хотя тебя все вроде бы знают, ты везде остаешься более или менее посторонним" [1, с.392].

В подобном определении интеллектуального одиночества есть свой резон, обусловленный личностным аспектом междисциплинарности, т.е. той спецификой научных исследований (философия, социология, психология, сексология), которая была характерна для Игоря Кона.

Однако мне представляется, что этому многогранному ученому и скромному человеку было свойственно особое одиночество. То одиночество, которое способствовало формированию его внутреннего мира. То одиночество, благодаря которому он стал ученым с мировым именем. То одиночество, которое позволило ему оставаться самим собой, несмотря на все перипетии развития отечественной научной и политической мысли. Наконец, то одиночество, в рамках которого он не только не утратил связь с другими людьми, но и проявлял живой ин-

терес к изменениям, происходящим в России за последние два десятилетия.

Полагаю, что Игорь Кон действительно нуждался в подобном одиночестве. И он выстроил свою жизнь таким образом, что, пребывая в одиночестве, не был ни одиноким человеком в привычном смысле этого слова, ни замкнутым исключительно в своем личностном пространстве, ни отчужденным от окружающего его мира, от других людей и от самого себя.

Вопреки обыденным представлениям, согласно которым человек - это социальное, общественное существо, нуждающееся в постоянном контакте с себе подобными, одиночество не в меньшей, а, быть может, и в большей степени способствует рождению личности и формированию ее уникального Я. В этом смысле одиночество является необходимой, существенно важной и плодотворной частью жизни человека, который, говоря словами Н. Бердяева, имеет "священное право" на подобное состояние [2].

Думается, что Игорю Кону было свойственно то особое одиночество, которое я назвал бы неординарным одиночеством и которое позволило ему не только стать неординарной личностью, но и высказать нетривиальные мысли, нашедшие свое отражение в получивших широкое признание и высокую оценку публикациях, начиная с "Социология личности" (1967), "Открытие Я" (1978), "В поисках себя. Личность и ее самосознание" (1984) и кончая "Мужское тело в истории культуры" (2003), "Мужчина в изменяющемся мире" (2008), "Мальчик - отец мужчины" (2010).

Моя первая встреча с Игорем Коном проходила на фоне столпотворения, имевшего место в самой большой аудитории исторического факультета Ленинградского государственного университета. Это было в 1966 году, когда я, студент первого курса философского факультета, посещал не входящий в обязательную программу обучения курс по социологии личности, который читал для всего университета 38-летний профессор Кон. Самая большая аудитория оказалась столь переполненной, что некоторым студентам приходилось стоять в проходе. И через какое-то время лекции профессора Кона были перенесены в актовый зал основного здания Университета, который также оказался переполненным.

Уже в то время одиночество Игоря Кона сопровождалось постоянным контактом со студентами, среди которых будущие физики и математики составляли основной контингент тех, кто посещал его курс лекций. Он, будучи гуманистом по образованию, защитившим две кандидатские диссертации (по истории и по философии) в 22-х летнем возрасте и став доктором философских наук в 32 года, легко находил взаимопонимание с молодыми представителями точных наук. Не случайно он приходил в актовый зал Университета в окружении студентов, которые продолжали общаться с ним и после завершения очередной лекции.

На третьем году обучения я слушал обязательный курс лекций Игоря Кона, который он читал на философском факультете. Не помню точно, произвел ли он на меня какое-либо особое впечатление, по сравнению с ранее прослушанным курсом лекций по социологии личности. Зато помню отчетливо, что именно в рамках общеуниверситетского курса лекций по социологии личности, который я посещал от начала до конца, из уст Игоря Кона я впервые услышал имя Зигмунда Фрейда и впервые узнал кое-что о психоанализе. Именно в тех лекциях Игорь Кон ссылаясь на основателя психоанализа.

Для меня, отслужившего три года в армии и приобщавшегося к ранее не знакомым мне идеям, все было в новинку. И я настолько заинтересовался психоанализом, что, будучи студентом, перечитал все имевшиеся в университетской библиотеке работы Фрейда, которые были переведены на русский язык и изданы в нашей стране в 20-х годах XX столетия. Так, не ведая того, Игорь Кон дал первоначальный толчок к пробуждению моего интереса к психоанализу.

К сожалению, в университетской библиотеке было слишком мало не только работ Фрейда, но и зарубежной психоаналитической литературы. Поэтому мне пришлось сперва добиться разрешения посещать библиотеку Академии наук, а позднее перебраться в Москву, чтобы иметь возможность удовлетворить проявленный к психоанализу познавательный интерес.

На пятом курсе я умудрился устроиться на семимесячную стажировку в МГУ и почти все это время посвятил изучению психоаналитической литературы, а также отечественных и зарубежных работ, посвященных проблеме отчуждения. Интерес к последней проблематике был обусловлен знакомством со статьями Игоря Кона (Личность и общество: возвращаясь к проблеме отчуждения // Иностранная литература, №5, 1966; Понятие отчуждения в современной социологии // Материалы к научной сессии, посвященной 50-летию Великой Октябрьской Социалистической революции. Л., 1967), в которых были высказаны не тривиальные идеи, раскрывающие природу феномена отчуждения.

Полагаю, что именно благодаря знакомству с материалами, принадлежащими перу Игоря Кона, я и выбрал тему своей дипломной работы, которая звучала следующим образом: "Проблема отчуждения в современной американской философии и социологии". В 1969 году состоялась защита данной дипломной работы, в списке литературы которой было 262 наименования, включая не только книги и статьи, специально посвященные проблеме отчуждения, но и труды А.Адлера, З.Фрейда, Э.Фромма.

Хотя отчуждение и одиночество тесно переплетаются между собой, однако в то время, когда я имел возможность ознакомиться с соответствующими статьями Игоря Кона, я не соотнес эти два явления между собой.

Сегодня, осмысливая специфику неординарного одиночества Игоря Кона, мне представляется, что еще в 60-х годах XX столетия этот высокообразованный и широко эрудированный ученый понимал существенную разницу между двумя этими феноменами или, во всяком случае, вплотную подошел к подобному пониманию. Понимал ее не только как вдумчивый исследователь, но и скорее всего как человек, которому ничто человеческое не было чуждо. Во всяком случае, двадцать лет спустя он обратился к осмыслению многоплановости и многозначности одиночества, что нашло свое отражение в одной из его публикаций (Многоликое одиночество // Знание - сила, №12, 1986).

Так уж случилось, что семь лет спустя после моего обоснования в Москве Игорь Кон внес свою лепту в мою профессиональную деятельность. К тому времени в Политиздате лежала моя рукопись по психоанализу, и издание данной работы зависело от рецензии на нее. Оказалось, что рукопись была послана на рецензию Игорю Кону. Рецензия оказалась весьма лаконичной (всего полторы страницы) и положительной. Этого было достаточно, чтобы моя книга "Психоанализ и американский неопрейдизм" вышла в свет в 1977 году.

Что меня удивило в этой рецензии, так это отсутствие каких-либо клише, обрамленных в научную терминологию. Простым и ясным языком Игорь Кон выразил свое мнение, отметил те плюсы и минусы, которые он счел необходимым донести до сведения автора работы и руководства издательства. Это был для меня весьма полезный и поучительный урок, связанный с возможностью выражать свои мысли лаконично и по существу, не прибегая ни к каким заумным рассуждениям. С тех пор в своих публикациях я пытался, как можно проще, писать о самых сложных проблемах и процессах, относящихся к различным сферам научного знания, включая психоанализ.

Я был удивлен и тому, что несколько лет спустя обнаружил в работе Игоря Кона "В поисках себя. Личность и ее самосознание" (1984) ссылку на мою статью, в которой, опираясь на толковый словарь В.Даля, вносились пояснения относительно то-

го, что термин "самость" имеет русские корни и обозначает "однличность", "одноподлинность". Удивлен, поскольку не представлял себе, что маститый ученый может не только обратить внимание на статью молодого автора, но и отметить справедливость его суждения о не совсем точном переводе английского "self" как "Я".

В 1985 году Игорь Кон переехал из Ленинграда в Москву. Он стал проживать в квартире, расположенной в том доме и в том подъезде, в котором уже на протяжении десяти лет я обитал со своей семьей. Нас разделяло всего четыре этажа, и поэтому нет ничего удивительного в том, что вскоре состоялось наше личное знакомство. Игорь Кон познакомился с моими детьми, а мы с женой - не только с известным ученым, но и с его мамой, которая с гордостью рассказывала нам о своем сыне и охотно делилась воспоминаниями о его жизненном пути.

Из того, что и как рассказывала мама Игоря Кона о себе, своем сыне и взаимоотношениях между ними, не трудно было понять, какая тесная связь существовала между матерью и сыном. Позднее, в книге "80 лет одиночества" Игорь Кон особо подчеркнул, что мама посвятила ему всю свою жизнь и всемерно помогала его развитию. В этом отношении он не был одинок. Напротив, большая часть его жизни прошла в тесном единстве с матерью, которая, оставаясь без мужа, с момента рождения сына и до своей кончины, происшедшей в 1989 году, постоянно заботилась не только о его здоровье, но и о его интеллектуальном развитии.

Разумеется, проживая с сыном в Ленинграде, его маме приходилось много работать, чтобы обеспечить создание необходимой материальной базы и интеллектуальной атмосферы, которые, несомненно, способствовали развитию маленького ребенка, подростка, а затем и студента. В те трудные послевоенные годы, когда проходило детство и формирование личности, его мама не могла проводить все свое время с сыном. Но он не был обречен на одиночество. По воспоминаниям Игоря Кона, чтобы во время длительной болезни в возрасте 6 лет ему не было одиноко, его мама приобрела ему белого крысенка, который, будучи "замечательно умным и чистошерстным зверем", стал для него своего рода другом.

Да и, судя по воспоминаниям как его самого, так и его матери, реальное присутствие единственно близкого и дорогого человека в его детстве не приводило к формированию психологии маменькиного сынка не способного к самостоятельному мышлению и действию.

Мне думается, что уже в раннем детстве Игорь Кон приобрел опыт неодинокого одиночества, который стал отправной точкой не для последующего возможного отчуждения от мира людей, а для обретения способности к одиночеству как необходимой составляющей его интеллектуального развития, позволившей ему стать ученым с мировым именем. Речь идет об опыте пребывания ребенка, а впоследствии и взрослого человека в одиночестве при одновременном присутствии кого-то другого. Как справедливо заметил несколько десятилетий тому назад английский психоаналитик Дональд Винникотт, подобную способность невозможно приобрести без опыта пребывания маленького ребенка в одиночестве в присутствии своей матери [3].

Для обретения способности к неодинокому одиночеству важно, чтобы кто-то был рядом. В этом случае ребенок может приобрести опыт, воспринимаемый им в качестве чего-то реального, а не воображаемого или иллюзорного. Именно этот опыт содействует не только формированию способности ребенка к одиночеству, но и сохранению ее в зрелые годы, что может стать стимулом для дальнейшего интеллектуального развития и продуктивного творчества.

Представляется, что мама Игоря Кона была той главной фигурой в его жизни, присутствие которой, с одной стороны, не содействовало обустройству его личной жизни в плане обретения семьи и детей, а с другой стороны, оказалось благодат-

ной почвой для обретения им способности к пребыванию в неодиноком одиночестве, которое предопределило его несомненные успехи в области философии, социологии, педагогики и сексологии.

Многочисленные получившие общественное признание книги Игоря Кона стали своего рода его "детьми", обеспечившими увековечивание его имени в истории отечественной и мировой научной мысли. Он усматривал смысл своей жизни в том, чтобы в доступной форме поделиться с читателями его книг той информацией, которую черпал главным образом из зарубежных источников, поскольку отечественная научная литература не могла похвастаться основательными знаниями, касающимися долгое время запретных тем, связанных с различными формами проявления человеческой сексуальности.

Игорь Кон испытывал не страх перед одиночеством, а радость от того неодинокого одиночества, которое не только позволяло длительное время пребывать в статусе "своего среди чужих" (зарубежных коллег) и "чужого среди своих" (отечественных ученых), но и сдержанно, интеллигентно реагировать на критику и экстремистские выходки со стороны наиболее оголтелых недоброжелателей, в своем непонимании смысла его публикаций полагающих, что автор таких книг, как "Вкус запретного плода. Сексология для всех" (1997), "Клубничка на березке. Сексуальная культура в России" (1997) или "Лунный свет на заре. Лики и маски однополой любви" (2003), подрывает устои культуры и призывает к насаждению разврата и вседозволенности.

Находясь наедине с собой в контексте матери, собранной с годами домашней библиотеки научных трудов, художественной литературы и альбомов с репродукциями всемирно известных шедевров, Игорь Кон рассматривал свое одиночество, скорее всего, как самое ценное в его жизни. Даже работа в одиночестве дома на компьютере, с которым он не очень дружил, доставляла ему определенную радость, поскольку электронные версии его текстов со временем превращались в опубликованные книги, а затем, дополненные им же, в официальные Интернет-версии этих книг; электронная почта предоставляла возможность общения с зарубежными и отечественными учеными, а его персональный сайт в Интернете был одним из наиболее часто посещаемых многочисленными пользователями, стремящимися приобщиться к интимному знанию в области сексологии.

Не могу не коснуться еще одного аспекта мироощущения Игоря Кона, связанного с тем, когда после благоустроенной жизни за границей, где он какое-то время занимался научными исследованиями благодаря предоставленному ему гранту, он вернулся в новую Россию и попал в такую ситуацию, когда его работы оказались невостребованными, а материальное положение ученых - весьма плачевным.

Вспоминая о России 1990-х годов, в своей книге "80 лет одиночества" Игорь Кон написал о том, что в то время ни его знания, ни его работа, ни он сам оказались никому не нужны. Иллюстрируя бедственное положение ученых, в переработанной, дополненной и выложенной в Интернете электронной версии опубликованной книги, он привел один эпизод, который вызвал у него, по его собственному выражению, "глубокий шок".

Он увидел меня в подземном переходе Ленинского проспекта, где я, будучи уже доктором наук, занимался отнюдь не научной деятельностью. И хотя Игорь Кон понимал, что я был вынужден заниматься не своей работой, поскольку надо было материально обеспечивать троих детей, тем не менее, это произвело на него неизгладимое впечатление, будучи ярким свидетельством того, до чего довели ученых и науку в целом в эпоху развала страны [4].

Наткнувшись на описание этого эпизода, я был поражен не тем, что Игорь Кон испытал шок от увиденного. Меня поразила та деликатность, с которой он воспроизвел данный сюжет в

своих воспоминаниях, а также его признание в том, что ему всегда не хватало таких качеств, как мудрость и доброта. Именно эти качества он приписывал мне, говоря о том, что с годами мои дети выросли хорошими людьми, а я продолжил заниматься наукой.

Мои дети не часто общались с Игорем Коном, но каждый раз при встрече со мной или моей женой он неизменно спрашивал об их здоровье и успехах. Лишь в последние годы его жизни одна из моих дочерей имела возможность не только близко общаться с ним, но и открыла для себя в его лице вдумчивого собеседника, интересующегося не только научными исследованиями, но и изобразительным искусством.

Дело в том, что моя средняя дочь увлеклась живописью и, получая второе высшее образование по специальности художник-живописец, в качестве дипломной работы рисовала портрет Игоря Кона. Он охотно позировал ей у себя дома, и это время было наполнено интересными разговорами о жизни, искусстве, культуре.

Моя дочь открыла для себя совершенно другого человека. Не только ученого, увлеченного своими изысканиями в области философии, социологии, сексологии, но и эрудированного, побывавшего в картинных галереях и музеях различных стран мира, не отрешенного от созерцания прекрасного человека, проявлявшего повышенный интерес к произведениям искусства.

В домашней библиотеке Игоря Кона оказалось большое количество альбомов, отражавших творчество различных художников и школ, а на одной из стен его кабинета висели две репродукции экспрессионистов. Во время позирования он делился своими воспоминаниями о музеях Австрии, Германии, Италии, США, где ему довелось побывать. Рассказывая об увиденных им картинах, он рекомендовал собиравшейся поехать в Париж моей дочери посетить те достопримечательности и музеи, которые, на его взгляд, заслуживают особого внимания.

Вспоминая о своем посещении музеев в Италии, Игорь Кон говорил ей о том, что обошел почти все достопримечательности и даже пресытился искусством. При этом он высказал суждение, согласно которому, если скульптуру можно разглядывать сколько угодно, без ограничений, то от живописи устаешь. Это уже потом, пояснил он, умные художники научили его не ходить в музей смотреть все за раз, а выбирать несколько конкретных работ, залов.

Однажды, делая первые наброски, молодая художница спросила Игоря Кона, что, на его взгляд, обязательно должно быть изображено в его портрете и что может наилучшим образом отразить его личность? Его ответ был таков: "Да ничего особенного. Я вообще считаю неправильным говорить художнику, как и что надо изображать. Это было бы неуважением к его труду. Известный художник порой рисует очень непохоже, но раз он так увидел, значит, это важно".

Во время позирования Игорь Кон не только увлеченно и серьезно рассказывал о своих научных исследованиях или произведениях искусства, но подчас прибегал к юмору, к месту воспроизводя известные ему анекдоты. В частности, размышляя о мастерстве художников, он поделился с моей дочерью следующим анекдотом.

"Жил был художник. И однажды царь приказал ему сделать его портрет. Задача была для художника очень непростой, так как царь был на один глаз кривой. Если бы он нарисовал его красиво, то тот обвинил бы его в лести. А если бы с уродливым лицом, то художнику бы точно было не сносить головы. Что же ему было делать? Художник был мудр и сказал царю: "Такого прославленного монарха и полководца я могу нарисовать не иначе, как в профиль, целящимся из лука". И он нарисовал великолепный портрет царя. Царь сделал его придворным художником и одарил всеми благами.

Так вытъем же за социалистический реализм!"

Эти личные встречи моей дочери с Игорем Коном оказались столь плодотворными для нее, что она до сих пор с благодарностью вспоминает о них. По его собственному признанию, ему также было приятно общаться с молодой художницей, беседы с которой доставляли истинное удовольствие, о чем он непременно говорил, когда мы пересекались с ним, выходя из дома, или обсуждали те или иные вопросы у него на квартире.

Я понимал, что публикация книги "Мужское тело в истории культуры", в которой содержались прекрасные иллюстрации художников и скульпторов различных эпох, требовала от Игоря Кона знакомства со многими произведениями искусства. Тем не менее, для меня было приятной неожиданностью то, что он, как оказывается, проявлял повышенный интерес к изобразительному искусству. Стало более понятным и то, что его неодинокое одиночество протекало в приятной компании не только древних мыслителей и современных ученых, с которыми он мысленно общался во время написания своих многочисленных книг и статей, но и всемирно известных художников, к творениям которых он обращался как в процессе подбора соответствующих иллюстраций, так и в часы отдохновения от трудов праведных.

К сожалению, возвратившись в Москву из Франции, моя дочь не успела подарить Игорю Кону репродукцию Фландрена, которую она привезла для него из Лувра. И дипломную работу (портрет Игоря Кона) ей пришлось завершать уже после его ухода из жизни. Некоторые детали портрета она дорисовывала по фотографиям, сделанным ранее, а также была вынуждена прибегнуть к иным источникам. В частности, она попросила меня немного ей попозировать, чтобы можно было верно изобразить естественное положение кисти руки ученого, держащего перед собой книгу.

Полагаю, что, если в будущем мне доведется встретиться с Игорем Коном в потустороннем мире, то я сообщу ему, что защита диплома "Портрет И.С. Кона (портрет ученого в интерьере, выполненный в смешанной технике)" прошла успешно, и во время данной защиты присутствующие художники-преподаватели и студенты, пожалуй, впервые почерпнули из выступления моей дочери информацию о жизни и деятельности этого неординарного человека. Надеюсь, он не обидится, узнав о деталях завершения работы над его портретом, и мы с удовольствием пожмем друг другу руки.

Неодинокое одиночество Игоря Кона было обусловлено также тем, что он не хотел обременять лишним раз тех людей, с которыми ему приходилось порой общаться или по долгу профессиональной деятельности, или в силу различных жизненных обстоятельств. Казалось бы, проживая в одном подъезде, он мог обратиться ко мне, к моей жене или к моей дочери с той или иной просьбой, в частности, помочь по хозяйству или что-то исправить. Но Игорь Кон ни разу не обращался к нам с подобными просьбами (за исключением того, что однажды, боясь опоздать на утренний рейс самолета, он попросил у моей дочери будильник), считая для себя неудобным беспокоить отца и мать троих детей или молодую девушку, усиленно трудившуюся над дипломом.

Точно также он предпочитал избегать публичного чествования своих юбилейных дат, каждый раз уезжая куда-нибудь подальше из столицы, чтобы не обременять сотрудников одного из институтов РАН, где он работал в последние годы, а также друзей и знакомых, которые хотели вознести почести признанному ученому и приятному в общении, интеллигентному человеку.

Игорь Кон не любил юбилеи, которые напоминали ему похороны. Не без юмора он писал по этому поводу: "Единственная разница, что покойник спокойно лежит и слушает, как его хвалят, а юбиляр, если он сам или его друзья не подсуеются, то и дело будет ощущать, что его недохвалили. Конечно, когда хвалят - приятнее, чем когда ругают, тем более, что хотя на чу-

жих юбилеях люди фальшивят, на твоём они говорят чистую правду. Но я человек скептического склада ума, стараюсь не доставлять окружающим лишних забот..." [1, с. 8].

Зная о неминуемой кончине по причине внезапно обнаруженного заболевания, в последние дни своей жизни Игорь Кон также постарался сделать все от него зависящее, чтобы и после ухода в мир иной ничем не обременять продолжающих жить людей. Последним штрихом его неодинокого одиночества стало оставленное им завещание, согласно которому он просил на похоронах не произносить пышных речей, тело предать кремации, пепел развеять по ветру и не устраивать поминок.

Хочу отметить и то обстоятельство, что Игорь Кон философски относился к самому факту смерти человека. За день до своей кончины в телефонном разговоре со мной он пояснял, что не боится смерти и что много лет тому назад писал о феномене смерти как таковой. А вот во время позирования моей дочери он высказал такие суждения, согласно которым человека нельзя заставить жить и, в конце концов, каждый имеет право умереть так, как ему хочется. При этом он то ли с горечью, то ли с сарказмом заметил: "Вообще в нашей стране нельзя ни болеть, ни умирать. Болеть - потому что это очень дорого и тяжело для близких, а умирать - потому что это тоже очень дорого и хлопотно для родственников".

Охватывая мысленным взором свою жизнь, за три года до своей кончины Игорь Кон констатировал, что ему грех жаловаться на что-либо. По этому поводу в исправленной и дополненной электронной версии своей книги "80 лет одиночества" он подчеркнул: "Я изучал то, что хотел; постоянно тренировал

и оттачивал свой интеллект; успешно преодолевал или обходил бесчисленные цензурные и бюрократические препоны; научился излагать сложные мысли в форме, доходчивой до среднего идиота, если только он не является представителем власти..." [4].

Словом, оставаясь самим собой даже в самых трудных жизненных ситуациях, Игорь Кон сохранил свою индивидуальность, честь и достоинство человека, посвятившего всю свою жизнь научным исследованиям и доведением в доступной форме до сознания людей тех обширных, энциклопедических знаний, которыми он обладал. В этом отношении его неодинокое одиночество было не только не обременительным, загоняющим в тупики аутистически-нарциссического ухода в себя, но, напротив, плодотворным, способствующим реализации творческого потенциала.

Литература

1. Кон И. 80 лет одиночества. М.: Время, 2008.
2. Бердяев Н. Опыт философии одиночества и общения. М.: Республика, 1993.
3. Винникотт Д. Способность к одиночеству // Антология современного психоанализа. Т.1. М.: издательство "Институт психологии РАН", 2000.
4. www.pseudology.org/Kon/80Let/index.htm.

Как создавался портрет И. С. Кона

Наталья Лейбина
художник

Портрет И. С. Кона волею судьбы получился мемориальным. Подготовительная работа шла целый год, а когда я вышла на этап разработки окончательного эскиза, мой портретируемый, увы, заболел и очень быстро скончался. Его уход был неожиданным для всех. Завершать портрет пришлось без его участия, по сделанным до этого зарисовкам и фотографиям. Реконструкция - дело трудное, но, мне кажется, благодарное. Я не могла не закончить этой работы, не просто потому, что она была дипломная, а потому, что после его кончины я ощутила еще большую ответственность за начатое.

«Портрет И. С. Кона. Портрет ученого в интерьере»
(2011 г., 90 x 90 см, бумага, смешанная техника)
Автор: Наталья Лейбина

Идея сделать портрет ученого родилась у меня задолго до шестого курса обучения на факультете живописи. И. С. Кон как модель был мне близок эстетически и человечески. Поэтому, работая над этой картиной, я не ощущала никакого психологического "сопротивления материала", которое часто бывает у портретистов. Напротив, я знала Игоря Семеновича только с положительной стороны, и мне хотелось доступными средствами показать: вот, смотрите, что примечательно в этом человеке.

С одной стороны, портрет Игоря Семеновича — типизация образа ученого, увлеченного своим делом, но с другой, я постаралась отразить ту индивидуальную черту, которая мне в нем очень импонировала: отдавая себя всего науке, он оставался добрейшим человеком, внимательным к окружающим. В этой работе мне хотелось передать самый простой рабочий момент: вот он, погруженный в свои размышления, встал из-за стола, взял с полки книгу, начал листать ее в поисках нужной информации, задумался.

Когда я спросила самого Кона, как он хотел бы быть изображен, он ответил, что считает неправильным говорить худож-

нику, что и как надо рисовать. При этом, когда зашла речь о выборе костюма, Игорь Семенович очень серьезно отнесся к этому вопросу: показал мне на выбор несколько рубашек, простых и более парадных. Всегда идеально брился перед нашими сеансами. Позировал он очень терпеливо, выполнял все мои просьбы. По всему было видно, что он с уважением относится к тому, что происходило.

Во время этих встреч мы с Коном много разговаривали на самые различные темы: о его книгах, об искусстве, о воспитании детей, о России и о заграничье. Каждый раз он поражал меня широтой своих знаний и неординарностью мышления. Я бесконечно благодарна судьбе за знакомство с этим человеком, за возможность общения с ним в роли художника — за увлекательный творческий процесс, который обогатил меня не только профессионально, но и душевно.

Он носил еврейскую фамилию, но считал себя русским.

Любил русские романы, импрессионистов и Рафаэля.

В 15 лет был студентом истфака, в 22 года — дважды кандидатом, в 31 — доктором наук.

Много болел в детстве, но был практически здоров в 80 лет.

Написал полсотни книг и более 300 статей.

Был неисправимым трудоголиком и много путешествовал. Совершенно не разбирался в технике, но вел блог в интернете.

Печатался огромными тиражами и подвергался нападкам и угрозам.

Любил балет и увлекался горным туризмом.

Как Александр Пушкин, всегда радовался осени.

Не имел своих детей, но помогал многим не своим.

Хорошо чувствовал себя или за письменным столом или в студенческой аудитории.

Любил смотреть оперы на канале "Культура", а новости читал в интернете.

Не верил политикам и не верил в Бога.

Владел несколькими языками и Gmailом.

Любил старинные книги и мороженое.

Работал на стыке наук и страшился дилетантизма.

Жил в одном доме со Шнитке, но музыки его не понимал.

На склоне лет чувствовал себя не консервативным ученым, а диссидентом-подрывником.

Боялся летать на самолете и облетел весь мир с лекциями.

В автобиографической книге писал большей частью о своих друзьях и коллегах. А назвал ее — "80 лет одиночества".

Шарж на Игоря Кона (2010 г.)